

ГЛАВА 1

«Язык» был не прочь поболтать, обладал ценными сведениями и отнюдь не нордическим темпераментом. Он глотал слова, извивался, придавленный коленом старшего лейтенанта Шубина, активно не хотел умирать и мог бы говорить часами. Но время поджимало. Последние слова пленного унтер-офицера были о том, что у него большая семья в Штутгарте. До войны он трудился на сборочном конвейере завода Порше, то есть является рабочим человеком!

Однако слияния пролетариев двух стран в этот поздний час разведчики не планировали. Глеб убрал колено, пленник воспрянул духом, но в следующий миг Завадский перерезал ему горло, и оба поспешили убраться, чтобы их не обрызгало кровью. Агонизирующее тело они оттащили в кусты, добавили к двум другим и с чувством покурили.

Каждый перекур казался им даром божьим. Другого могло и не быть.

Ночной патруль оказался кстати. У кого еще спросить дорогу?

Над головой в разрывах листвы виднелось небо, усеянное звездами.

Местность в районе была сложной — леса, болота, непроглядные заросли. Дороги и открытые пространства практически отсутствовали.

В сумраке выделялись размытые фигуры в мешковатых комбинезонах. На задание со старшим лейтенантом отправились пятеро. Курили бойцы быстро, пряча огонечки в кулаки.

— Правильно идем, товарищи, — прошептал Шубин. — Господин унтер-офицер был уверен в том, что интересующие нас батареи расположены между деревнями Листвянка и Приютово, в трех верстах от нас. Верить ему на слово мы, понятно, не будем, прогуляемся, чтобы убедиться. Идем в колонну по одному, дистанция три метра. Глинский с рацией — сзади. Патруль немцы хватятся, но найдут не скоро. Время у нас есть. Обрато пойдём другой дорогой. Докуриваем, и вперед.

Подчиненные молчали, сосредоточенно дымили.

Звуки канонады нарастали, потом отдалялись. Разведчикам казалось, что орудия бьют со всех сторон. Иногда в раскаты орудийного грома вплетался рев авиационных моторов. Ожесточенное сражение шло в десяти верстах, не прекращалось ни днем ни ночью. Обескровленная

Вторая Ударная армия предпринимала отчаянные попытки вырваться из котла.

Смазанные тени скользили по ночному лесу. Пыхтел Лева Глинский, тащил на закорках радиостанцию с радиусом действия полтора десятка километров. Бойцы двигались по верхам, болотистые низины оставляли в стороне. Грустный опыт у них уже имелся.

Никита Костромин до сих пор не мог прийти в себя, ощупывал стоящий колом комбинезон и шептал что-то вроде молитвы. Три часа назад он ушел в трясины по горло, схватиться было не за что, дыхание перехватило. Если бы Ленка Пастухов вовремя не обернулся, то парня уже не было бы на свете. Товарищи над ним даже не подтрунивали, натерпелся, чуть глаза из орбит не вылезли.

Лес уплотнялся. Разведчики преодолевали баррикады из сушняка и бурелома.

В стороне гудели моторы. Там шла танковая колонна вермахта. Немцы стянули в этот район огромные силы, не выпускали из котла окруженные войска.

Лающая немецкая речь больно ударила по ушам. Разведчики рассыпались по траве, затаили дыхание. Красноармеец Боровик не нашел куда упасть, присел за деревом.

Неподалеку находилась опушка, там стояло крупное подразделение вермахта. Разносились команды младших командиров. Бряцал металл,

переговаривались люди. Войска противника находились в повышенной готовности, в любую минуту могли перекрыть брешь. Потери немецкое командование не смущали. Красная армия в эти трагические дни теряла больше.

Разведчики слились с местностью, замерли. Завозился Глинский. Рация на горбушке причиняла ему болезненные неудобства. Завадский шикнул на товарища, и Лева замер.

Тени покачивались за деревьями, солдаты месили сапогами податливую глину. Несколько человек шли по лесу, под ногами у них трещали и ломались сырые ветки. Кто-то оступился, выругался. Другой засмеялся. Мол, что, Курт, русская земля уже не держит? Третий предположил, что ничего ужасного до завтрашнего обеда не произойдет. Русские снова полезут в прорыв по горам своих трупов, артиллерия их будет методично избивать, добегут считанные единицы, и пехоте не придется напрягаться, чтобы отразить эту атаку. Почему эти русские так просто отдают свои жизни, причем не только рядовые, но и командиры? Чем их не устраивает, например, сытый германский плен?

Шубин стиснул зубы.

Русские солдаты в этих проклятых болотах у Мясного Бора гибли тысячами, и немцы не могли понять, зачем они это делали.

Лежать разведчикам пришлось долго. Фрицы уходили с лентой, никуда не спеша.

Когда шум затих, группа пришла в движение, но вскоре уперлась в неодолимую преграду из бурелома и колючих веток. Штурмовать эти залежи можно было до утра.

Шубин рискнул вывести людей на опушку. Немцы ушли оттуда, там никого не осталось. Дымились недогоревшие кострища, валялись обрывки бинтов, упаковки от еды, пустые сигаретные пачки.

Несколько минут группа рискованно маячила на юру, потом опять растворилась в лесу.

Невдалеке пролегал проселочная дорога до деревни Листвянка. Согласно вводным данным, все ее жители ушли с отступившими советскими войсками. От соседнего Приютова три недели назад остались одни головешки.

«Спасибо унтер-офицеру. Даже неловко, что пришлось убить его. Маршрут, описанный им, оказался верным. Прогулка через тернии не пропала даром», — подумал Глеб.

Собаки теперь лаяли на всю округу. Этот квадрат местности почему-то охранялся, как ставка Гитлера.

Боровик, идущий в авангарде, широкоплечий, исполнительный, но временами туго соображающий, повалился в траву, а прямо перед ним грозно залаяла овчарка. Она рвалась с поводка, тянула за собой солдата, явно почуяла чужака. Боровик энергично отползал к кромке леса.

Подбежали еще два фрица, всматривались в темноту. Лезть в растительное месиво им как-

то не хотелось. Зажегся фонарь, холодный луч забегал по кустам и деревьям.

— Что там, Курт?

— Не знаю, собака взбесилась.

Простучала автоматная очередь, расшвыряла ветки. Разведчики затаились, не подавали признаков жизни. Овчарка успокоилась, стала глухо ворчать. Очевидно, запах чужака смешался с пороховой гарью.

Немцы решили, что все в порядке, ложная тревога.

— Это заяц, Курт, его почуяла твоя псина! Здесь не могут появиться русские, им для этого не хватит ума!

Солдат оттаскивал от леса собаку. Она, продолжая глухо рычать, трусила за своим хозяином. Голоса смолкли.

— Боровик, ты живой? — прошептал Глеб.

— Я-то живой, только рукав мне какой-то гад прострелил. — Боец полз, тяжело отдуваясь, явно впечатленный происшествием. — Чуть не выдал я всех нас, товарищ старший лейтенант, виноват. Знаете, мне тут на ум пришло...

— Куда пришло? — не сдержался Ленька Пастухов.

Кто-то прыснул в темноте.

— Да иди ты!.. — огрызнулся Боровик. — Серьезная охрана, говорю, товарищ старший лейтенант. Впереди большая поляна и цепь солдат. Хорошо, что они на открытом месте стоят, в лес

боятся заходить Эти вояки что-то важное охраняют, у них дорожки протоптаны, курсируют взад-вперед.

— Все назад! — скомандовал Шубин. — Обойдем квадрат, посмотрим, где можно просочиться.

Через сосняк им пришлось передвигаться ползком. Немцы были повсюду, заунывно перекликались, не давали себе заснуть. Глинский с Боровиком получили ценные указания и остались в лесу, все прочие погрузились в овраг и двинулись по нему.

Никита Костромин выполз наружу, вернулся через пару минут с горящими глазами и доложил:

— Здесь эти клятые пушки, товарищ старший лейтенант. Дальнобойные, не меньше двух дивизионов.

Коридор, сквозь который выходили наши окруженные войска, составлял в ширину четырехста метров. В худшие дни — двести пятьдесят. Проход был завален телами советских, немецких и даже испанских солдат, добровольцев из «Голубой дивизии». Трупы никто не убирал, передвигаться по этому пространству можно было только ползком.

В последующие полчаса разведчики выяснили главное. Четыре батареи тяжелых орудий были расположены в перелесках за деревней Листвянка, вблизи единственной дороги, по которой можно осуществлять подвоз боеприпасов. Еще две стояли на окраине Приютова. Орудийные

стволы торчали в небо каким-то жутковатым ча-стоколом.

В данный момент огонь не велся, но на бата-реях отмечалась активность. Рычали тяжелые тягачи, сновали люди, офицеры окриками под-гоняли подчиненных.

В лесу между батареями находился радиоузел. Под него фрицы облюбовали заброшенное бре-венчатое строение.

Охрана с собаками осталась на периметре, но и здесь, в самой клоаке, было неудобно.

Солдаты снимали с грузовиков снарядные ящики, тащили, отдуваясь, к орудиям. У каждой пушки грудились штабеля боеприпасов. Разгруз-ка завершилась. «Опели», побитые российскими дорогами, двинулись восвояси.

Офицер объявил перекур, и солдаты потяну-лись к ложбине, тянувшейся в стороне от бата-реи. Технику безопасности здесь блюли.

Это было именно то, что требовалось найти! От текущей работы зависело очень многое, глав-ное — жизни людей.

— Товарищ старший лейтенант, это именно они не дают нам прохода, — взволнованно про-шептал Пастухов. — Отправим в штаб коорди-наты, пусть накроют квадрат к чертовой матери. Станет легче, пусть всего на день или на два, но наши прорвутся.

Сердце старшего лейтенанта колотилось, как барабан полкового оркестра. Именно с этой точ-

ки фашистские захватчики осуществляли обстрел проблемного участка! Координаты известны, зона покрытия — не больше одного квадратного километра.

— Мужики, запоминаем, — тихо проговорил Шубин. — Восемьсот метров пространства между Приютово и Листвянкой, включая сами деревни, где у них пункты управления. В глубину чуть более километра. Артиллеристы сами вычислят координаты, нам сейчас не до этого. Толпой не валить, откатываемся по одному и бережем как зеницу ока нашу рацию.

До кромки леса бойцы добрались без приключений, ныряли в ложбины, ползли по открытым участкам. Но дальше снова все пошло через пень-колоду. Фашисты как-то обнаружили Глинского и Боровика, оставшихся в лесу. До него оставалось метров семьдесят, когда с опушки долетел тревожный крик. Прогремела автоматная очередь, за ней — еще одна. Жалобно заскулила подстреленная собака. Часовые загалдели как сороки, бросились врассыпную. Затрещали «МП-40», им из леса отвечал только один «ППШ»!

Разведчики сдавленно матерились. Неужели все пропало? На опушке происходило что-то страшное. Автоматный огонь уплотнялся, немцам никто не отвечал. Часовых в этой зоне оказалось всего шестеро, но остальные могли подтянуться в любую минуту.

Через пару минут немцы оборвали стрельбу, стали подниматься. Из мрака выростали согбенные фигуры. Несмело, сгибаясь в три погибели, солдаты двинулись вперед.

По ним ударил «ППШ». Караул рассыпался, кто-то остался лежать.

Ждать у моря погоды было глупо. Скоро вся нечисть сюда слетится!

— Пошли, парни, — процедил Глеб сквозь зубы. — Быстро, но скрытно.

Сначала разведчики ползли, потом поднялись, побежали, стараясь обходиться без шума. Они вылупились из мрака за спинами у фашистов, открыли ураганный огонь. Валились нашпигованные пулями тела, выли глотки. Раненых красноармейцы добивали выстрелами в упор. Завадский прикладом сломал шею какому-то живчику. Хрипел, пытаясь приподняться, обер-гренадер в продырявленнойлетней шинели.

Шубин выстрелил ему в голову, перешагнул через туловище, бросился в лес, стал метаться между деревьями.

— Боровик, Глинский, вы живы? — выкрикнул он.

— Я жив, товарищ старший лейтенант, — отозвался слабым голосом Глинский, придавленный рацией, и выбрался из-за дерева, опираясь на приклад автомата, как на лыжную палку. — А вот Виталика Боровика, кажется, убили.

Это Шубин уже понял. Он запнулся о неподвижное тело, опустился на колени. Красноармеец Боровик был мертв, кровь залила его грудь.

Подбежал Ленька Пастухов, стал трясти товарища, уговаривал очнуться. Никита Костромин поднимал Глинского. Тот качался, как былинка, но, кажется, не пострадал. В принципе, он вел себя молодцом, сумел отразить атаку, находясь под гнетом пятнадцати килограммов железа.

Завадский сташил с него радиостанцию, бегло ее ощупал — цела ли? — взвалил себе на плечи и первым бросился в темноту. Остальные последовали за ним. Шубин пятился последним, вглядываясь в полумрак.

Немцы запрягали недолго. Перестрелка привлекла внимание. Бежали солдаты с противоположной опушки. Истошно лаяли овчарки. Огонь фрицы пока не открывали, не знали, что здесь произошло, боялись попасть в своих. Загорались фонари, освещали арену побоища.

Шубин припал к дереву. Его автомат выплевывал короткие очереди.

В ответ тут же заработали «МП-40». Какой-то немец бросил колотушку. Она сработала на безопасной дистанции, окутала лес зловонным дымом. Неслись собаки, спущенные с поводков.

Жар ударил Глебу в голову, у него возникло ощущение, что он остался один. Старший лейтенант попятился к соседнему дереву, оступился.

Собака уже была рядом, глухо рычала, горели воспаленные глаза. Она прыгнула одновременно с автоматной очередью, ударившей откуда-то сбоку. Шубин повалился, пропорол суком мягкое место. Рядом грохнулась лохматая туша, вздрогнула пару раз и затихла.

— Бегите, товарищ старший лейтенант! — выкрикнул из-за дерева Костромин.

Глеб помчался, перепрыгивая через валежник, повис на упругих ветвях, не пожелавших его пропустить, прополз под ними, покатился под горку. Дальше был обрыв, слава богу, невысокий и сравнительно покатый. Разведчики съезжали с него, как с детской горки, разрывая штаны и крича от боли.

Глинский скатился последним и бросил через голову гранату, помечая пройденный путь. Она рванула на обрыве, обрушила пласт глинозема. Вместе с ним свалился немецкий солдат, пораженный осколками, жалобно выл, ворочался под слоем земли. Разведчики на нем внимания не заостряли, спешили уйти подальше.

С Шубиным остались четверо, все они были здесь, больше никто не пострадал. Завадский тащил радиостанцию где-то в авангарде, грязно выражался, увязая в сыром мху. Шубин снова отступал последним, плюхнулся в груды сырых ветвей.

— Сюда, товарищ старший лейтенант, — прохрипел Никита, выламывая корявые ветви. — Здесь дорожка.

— Да подожди ты, — огрызнулся Глеб.

Двое фрицев с шумом сверзились с обрыва, барахтались в прелой листве. Полетела, кувыркаясь, граната. Одному не повезло, замешкался, и осколок перебил ему позвоночник. Его товарищ чуть не выпрыгнул из штанов, спасаясь бегством. Он кувыркнулся через косогор, и все осколки промчались верхом. Остальные фашисты не рискнули спускаться, затаились наверху.

Глеб сменил магазин, поливал огнем кромку обрыва. Никита Костромин далеко не ушел, присоединился к командиру. Наверху кричали немцы. Кто-то из них призывал пуститься в обход.

— Довольно, товарищ старший лейтенант, уходить надо! — проорал в ухо командиру оглохший от пальбы Никита. — Пусть катятся ко всем чертям. Иначе мы увязнем в этой перестрелке.

Боец был прав.

Они бросились в гущу кустарника, пробились наружу. Мелькали деревья, за спиной истерили солдаты вермахта. Это был впечатляющий марш-бросок. Тяжесть рации уже не имела значения. Ноги уносили бойцов прочь.

За спинами у них разразилась суматошная стрельба, потом утихла. Очевидно, немцы тоже полезли в чашу.

«Им нужно нас догнать! — билась мысль в голове Глеба. — Они сделают все возможное, привлекут все силы в округе! Догадываются, кто мы такие и чем чреват этот инцидент!»

Бойцы по одному вываливались из леса, бежали к ручью, змеящемуся по открытому пространству, топали по воде, потом лезли на каменистый склон. Это хоть отчасти могло запутать собак. Потом они месили песок в окрестностях ручья, вились кругами вокруг деревьев.

Завадский передал рацию Пастухову. Тот взвалил ее на горб, скорбно поджал губы и потащил в гущу кустов.

Погоня отстала, лай собак сделался глуше. Немцы уже не решались спускать их с поводка.

Проселочная дорога, поросшая чертополохом, подвернулась очень кстати. Разведчики перешли на ускоренный шаг, потом опять побежали.

На четвертом километре силы у всех иссякли, и Шубин объявил привал. Погоня сбилась со следа, отстала. Группа залегла в осиннике вблизи опушки. Отсюда пройденный путь отчасти просматривался, погоню можно было засечь заранее.

Глинский лихорадочно разворачивал рацию. Его онемевшие руки тряслись. Антенну он закинул на ветку. В эфир устремились позывные группы, сведения об артиллерийских дивизионах, привязки к местности.

— Ну, давайте же, товарищи, просыпайтесь, — пробормотал Глинский, дожидаясь ответа.

Тот последовал через считанные минуты. Штаб полка отозвался, лейтенант Самохин круглосурочно находился на связи.

«Подтвердите еще раз», — последовал запрос.

Глинский сделал это.

«Вас поняли, возвращайтесь немедленно», — передал Самохин.

— Нет! — взмолился Ленька Пастухов. — Товарищ старший лейтенант, дайте нам еще пять минут простого человеческого отдыха, больше не просим.

— Даю десять минут, — расщедрился Шубин. — Но потом побежите как зайцы, если жить хотите. Не забывайте вести наблюдение.

Люди расслабились, молитвенно смотрели в небо, которое и не думало светлеть. Молодые организмы восстанавливались быстро. Через пару минут все уже сидели, обменивались традиционными любезностями, доставали курево.

— Эх, у Витальки Боровика знатная махорка была, — как-то сконфуженно пробормотал Глинский. — Надо было забрать. Зачем она ему? Лежит он теперь где-то на опушке, еще не остыл, и махорка с ним. Эх, Виталька, подставился по-глупому, хотя тревогу-то поднял.

Бойцы пару минут молчали, вспоминали павшего товарища. Смерть могла достать их в любую минуту, с какой угодно стороны. Спор о том, что лучше — знать, что ты сейчас представишься, или умереть в неведении, — давно стал общим местом. Мнения разделялись, но все сходились в одном. Лучше еще пожить.

Тема смерти беспокоила многих. Что там, за гранью? Полная тьма, глушь или есть что-то?

Шубин поймал себя на мысли о том, что сейчас с ним именно те бойцы, с которыми он два месяца назад вытаскивал из окружения остатки Тридцать третьей армии, все четверо: Завадский, Костромин, Пастухов, Глинский. Только они и остались из прежнего состава взвода. Люди, которыми командовал Глеб, менялись, как картинки в калейдоскопе. В памяти у него оставались только лица, молодые и не очень, грустные, веселые, серьезные. Послужить бойцы не успевали, гибли почем зря. Одни после первого задания, другие позже, третьи получали жуткие увечья, лишались конечностей. В госпиталях после этого выживали только счастливики, но что их ждало? Не жизнь, а растительное существование.

Настя Томилина при выходе из окружения получила тяжелое проникающее ранение. Хирурги спасли ей жизнь, провели экстренную операцию. Сейчас девушка лежала в госпитале, расположенном в подмосковном Копылове, медленно шла на поправку. Письма от нее доходили через раз, и в каждом сквозила тоска. Она не могла найти себе места, хотела быть рядом с ним, каждую ночь просыпалась в жутком страхе, ей казалось, что ее любимого убили.

Пули по-прежнему не брали Глеба. Мины и снаряды взрывались в стороне, а если и близко, то осколки щадили его. В рукопашных схватках ему попадались исключительно неуклюжие и не-

расторопные фашисты. В бессмертие Шубин не верил и только удивлялся своему везению.

За операцию по спасению Тридцать третьей армии он получил орден Красного Знамени, а также очередное звание — старший лейтенант. Фактически же ничего не изменилось. Глеб продолжал командовать взводом полковой пешей разведки.

Остатки армии были выведены в тыл. Он получил две недели на отдых, а затем — новое назначение, попал в Пятьдесят девятую армию Волховского фронта, ставшего Ленинградским, а затем опять Волховским. Командовал ею Коровников Иван Терентьевич, с апреля сорок второго года — генерал-лейтенант. Новое место службы — Триста семьдесят восьмая дивизия, Тысяча двести пятьдесят восьмой стрелковый полк подполковника Кашина.

Мясорубка на Волховском фронте была не слабее, чем под Вязьмой и Ржевом. Ошибочный приказ Ставки после победоносной операции под Москвой — наступать по всем фронтам — привел к удручающим провалам и бесчисленным жертвам. Ставка ставила жесткую задачу: снять блокаду с Ленинграда уже к весне сорок второго. С этой целью и был сформирован Волховский фронт.

Наступление началось в первых числах января. Удачной оказалась операция под Тихвином, где были наголову разгромлены несколько немецких дивизий.

А вот наступление на Любань с целью оттеснить захватчиков от Ленинграда не удалось. Войска Пятьдесят девятой армии не успели развернуться. Во Второй Ударной армии, действующей слева, положение сложилось не лучше. Отсутствовала армейская артиллерия, не рассредоточилась авиация. Войска еще только разгружались на станциях, многие не прибыли. Дефицит был во всем: в оружии, боеприпасах, средствах связи, горючем, продовольствии. Но приказ оставался прежним. Наступать, несмотря ни на что!

Поначалу боевые действия протекали неплохо, даже несмотря на потери. Лед Волхова устлал телами погибших солдат. Дивизии захватили небольшие плацдармы на реке, спешно закрепились на них. Но потом наступление захлебнулось, не подошла артиллерия. Армии безуспешно атаковали позиции противника, тот отбрасывал их назад. Войска топтались на месте, гибли под непрерывным огнем.

Только в феврале Второй Ударной армии удалось нарастить силы и добиться успехов. Войска с трудом передвигались по полям и болотам, с титаническими усилиями отбивали каждую деревню. Соединения Второй Ударной шли вперед, оставив позади себя остальные армии — Четвертую, Пятьдесят вторую, Пятьдесят девятую. Ставка требовала от командования к марту взять Любань. Войска упорно прорывали оборону немцев.

Наступление Второй Ударной армии захлебнулось в начале марта, на подступах к Любани. Продвинуться дальше не удалось. Образовался так называемый Любанский выступ с узкой горловиной в районе Мясного Бора. Внутри котла находилась вся армия, там же оказалась часть Пятьдесят девятой.

Выступ глубоко вдавался в оборону Восьмой немецкой армии и рассматривался советским командованием как удобный плацдарм для снятия блокады Ленинграда. Никто еще не догадывался, что положение примет катастрофический оборот. Площадь выступа была немалой, сто двадцать пять квадратных километров. Никаких дорог, тем более железных, местность сложная, лесисто-болотистая. Но снег и лед еще не растаяли, и все это казалось нестрашным. Согреться советские воины уже научились.

Однако пятнадцатого марта немецкие войска перешли в наступление и перекрыли перешеек у Мясного Бора. Вторая Ударная армия оказалась в окружении. Двигаться вперед она не могла, отступить тоже. Попытки расширить перешеек не принесли успеха. Немцы лихорадочно укрепляли позиции, прокладывали узкоколейки для снабжения войск. Именно здесь, вдали от Ленинграда, решалась судьба города.

В апреле, к моменту прибытия Шубина на Волховский фронт, Пятьдесят девятая армия выполняла иные задачи. Наступление встало.

Поначалу соединение Коровникова прикрывало горловину прорыва Второй Ударной армии, потом восстанавливало коммуникации окруженных частей, удерживало коридор для выхода войск из окружения.

Командующий Второй Ударной армией генерал Клыков был снят за невыполнение задачи. Вместо него окруженные войска возглавил генерал Власов, заместитель командующего Волховским фронтом.

Однако легче от этого не стало. У Власова была отличная репутация, завидный послужной список, но положение армии не улучшилось и под его началом.

Командование фронтом тоже протянуло резину. Отвод Второй Ударной начался с опозданием, когда войска в Любанском мешке были доведены до крайности. Части выходили через перешеек у Мясного Бора, сначала спокойно, невзирая на обстрелы и действия вражеской авиации. Были эвакуированы кавалерийский корпус, две стрелковые бригады и гвардейская танковая.

Снег растаял, началась распутица. Сложности не заставили себя ждать. Операция по спасению армии Власова была организована из рук вон плохо.

Для немцев планы советского командования секретом не являлись. Они действовали логично, стремились не дать окруженцам выйти из котла, перерезать перешеек, а затем расчлениить и унич-

тожить наши войска внутри выступа. Противник нанес несколько ударов в районе перешейка, атаковал деморализованные части Второй Ударной армии, оттеснил их в глубину выступа.

Вражеская авиация сровняла с землей командный пункт Власова. Управление войсками внутри мешка было полностью нарушено и уже никогда не восстановилось.

Сил для обороны перешейка не хватало. Две дивизии, державшие горловину, погибли почти полностью. К концу мая фашисты перекрыли проход.

Ошибки советского командования были грубейшими. Ничто не мешало защитить перешеек, хотя бы частями, выведенными из котла. Но они отправлялись в тыл. В окружении оказались несколько стрелковых дивизий и бригад, около сорока тысяч штыков. У них имелись орудия, минометы, противотанковые ружья, а вот боеприпасов почти не было. Люди голодали, в лучшем случае получали в день пятьдесят граммов сухарей. Войскам сбрасывали с самолетов патроны, гранаты, немного продовольствия, но это была капля в море.

Попытки прорвать кольцо продолжались до конца июня. Пятьдесят девятая армия действовала вне котла, штурмовала позиции противника у перешейка. Наспех подготовленные атаки следовали одна за другой.

Немцы держались, сосредоточили в районе крупные силы и артиллерию. Вражеская авиация

господствовала в воздухе. Все удары противник отбивал, советские войска несли тяжелые потери. Летели головы провинившихся военачальников. Был снят с поста командующий Ленинградским фронтом Хозин за невыполнение приказа об отводе войск Второй Ударной армии. Ставка восстановила Волховский фронт, которым теперь командовал Мерецков.

Десятого июня несколько дивизий и полков вновь устремились на штурм, и немецкие войска опять отразили нападение. В котле остались больше двадцати тысяч бойцов, орудия, танки, минометы и тысячи местных жителей, покинувших свои дома.

Сражение шло с невиданным ожесточением. На подмогу Пятьдесят девятой армии прибыли танковая бригада и кавалерийская дивизия, воюющая в пешем строю. Девятнадцатого июня танкисты пробились на восточный берег реки Полисть, соединились с частями Сорок шестой стрелковой дивизии Второй Ударной армии. Теперь обе армии действовали совместно.

Через день коридор расширился до четырехсот метров. Под проливным огнем были эвакуированы две тысячи раненых красноармейцев. Но Мерецков повторил ошибку своего предшественника. Фланги коридора остались без усиления. Немцы снова перешли в наступление и заткнули горлышко котла.

Перешеек у Мясного Бора представлял собой тягостное зрелище. Деревня с лихвой оправдала свое название. Осенью сорок первого здесь понесла тяжелые потери испанская «Голубая дивизия». Сейчас весь этот коридор был усеян телами советских и немецких солдат. Трупы гнили под палящим солнцем, их невозможно было убрать. Удушливая вонь растянулась на километры. Живые шли по мертвым, вдавливали их в грязь. Части Второй Ударной армии, сдерживавшие натиск врага на западной стороне котла, отошли к Мясному Бору. Район, занимаемый армией Власова, сократился до крошечных размеров, простреливался артиллерией насквозь.

Медлить в таких условиях было нельзя. Советское командование не знало, откуда работала артиллерия противника, могло лишь предположить примерный район. Орудий у немцев было много, судя по кучности попаданий, они стояли плотно и уже пристрелялись по узкому перешейку. Практически каждый снаряд попадал в цель.

Командование не оставило попыток пробить брешь. В котле оставались двадцать тысяч бойцов, весь штаб генерала Власова, включая самого командарма. Андрею Андреевичу несколько раз предлагали вернуться на Большую землю, прислали самолет, но он отказывался, мотивировал это тем, что не может оставить своих людей. Требовался еще один решительный прорыв.

Тут-то командир Триста семьдесят восьмой стрелковой дивизии генерал-майор Лиленков и вспомнил про старшего лейтенанта Шубина.

ГЛАВА 2

Наши артиллеристы начали обстрел квадрата между деревнями Приютово и Листвянка, когда пятеро разведчиков скатились с пригорка и побежали по тропке через минное поле. Они были встречены как родные и доставлены в штаб Тысяча двести пятьдесят восьмого полка.

Заместитель начальника штаба по разведке капитан Соломин критически оглядел поредевшую команду, ухмыльнулся в жесткие усы, снисходительно махнул рукой и заявил:

— Спать, Шубин. Мы без вас закончим. Вы свое дело сделали, молодцы.

Наша тяжелая армейская артиллерия вела огонь минут пятнадцать. За это время в районе расположения немецких дивизионов камня на камне не осталось. Все они были уничтожены.

Удар по окрестностям перешейка был нанесен в тот же час. Снаружи действовали Пятьдесят вторая и Пятьдесят девятая армии, внутри — то, что осталось от Второй Ударной. Осажденные войска шли в прорыв через реку Полисть. Две дивизии остались прикрывать атакующих. Остатки еще двух и пять стрелковых бригад пошли на штурм Мясного Бора. Артиллерийская подготов-

ка не проводилась ввиду отсутствия снарядов. Голодные, изможденные красноармейцы атаковали вражеские позиции в лоб, смяли заслоны, устремились в прорыв.

Операция была спланирована на коленке, экспромтом, но противник все равно разгадал планы Власова. Благодаря действиям разведчиков артиллерия у немцев в этот час отсутствовала, иначе никто не вырвался бы. Но работали их минометные батареи, укрытые в окрестных лесах, строчили пулеметы.

Выйти из окружения удалось лишь небольшой части войск. Несколько сотен полегли в землю, примерно тысяча прорвалась.

Немцы установили пулеметы на флангах горловины, подтащили небольшие полевые орудия и минометы. Разрыв они заделали за полчаса, на сей раз окончательно и бесповоротно.

Теперь пространство до западного леса простреливалось насквозь. Встать в полный рост было невозможно. Это понимали даже политруки, плюющие на свои и солдатские жизни. Повторной попытки прорыва в этот день не наблюдалось.

Внутри котла остались около двадцати тысяч красноармейцев, мирные граждане, штаб генерал-лейтенанта Власова и он сам.

На этом операцию Волховского фронта можно было завершать. Часть войск Второй Ударной армии вышла из окружения, половина полегла,

остальные сидели в болотах за Мясным Бором. Снять блокаду Ленинграда не удалось, армия погибла, прочие советские части и соединения беспомощно топтались на западном берегу Волхова.

Все последующие дни Шубин ходил подавленным, крысился на окружающих.

— Не расстраивайтесь, товарищ старший лейтенант, — успокаивал его Ленька Пастухов. — Мы свое дело сделали, с пользой провели время. Тысяча прорвалась, это уже хорошо. А во всем прочем разве наша вина?

В глазах разведчика свозила зеленая тоска. Ленька улыбался, шутил, старался вести себя как обычно, но эта тоска не проходила. Иногда он уходил в себя, на глаза его наворачивались слезы. В такие минуты парня никто не трогал, не подшучивал над ним.

По странному стечению обстоятельств, санитарка Варя, которую он за руку вывел из вяземских лесов, оказалась в той же дивизии и в том же полку. Она служила в местной санчасти, и в какой-то момент эти двое поняли, что созданы друг для друга. Их постоянно видели вместе. Каждую свободную минуту парень мчался к своей Варюше, помогал ей в лазарете, всячески облегчал тяжелую женскую долю. Хвастался, мол, вот настанет время, и мы обязательно поженимся.

Варя погибла месяц назад, когда шальной снаряд залетел в медсанчасть. Взрывом разнесло пристройку к зданию, где она перебирала свои склянки и пипетки.

Ленька почернел от горя, обливался горькими слезами. Он замкнулся, ни с кем не разговаривал, долго приходил в себя.

В последующие дни обстановка на фронтах оставляла желать лучшего. Неприятные события разворачивались под Харьковом, советские войска пятились в Крыму. Волховский фронт больше не продвинулся ни на метр. Шли локальные бои, но статус-кво неизменно восстанавливался. Немцы грамотно перегруппировали силы, подтянули резервы. В блокадном Ленинграде по-прежнему умирали люди — от голода и обстрелов. Никто не знал, что происходило внутри Любанского котла. Никаких сведений оттуда не поступало, связь с командованием Второй Ударной была утрачена.

Потрепанные части Пятьдесят девятой армии дважды бросались в атаку с целью пробиться к окруженцам и всякий раз откатывались обратно, неся большие потери. Горлышко немцы закупорили на совесть.

Шубин лично наблюдал, как были расстреляны симулянты, уклонившиеся от участия в атаке. Парни притворились контужеными. Неподалеку взорвалась мина, и они воспользовались ситуацией. У них заплетались ноги, блуждали глаза.

Когда к ним подбежали санинструкторы, эти герои стали жаловаться на головную боль, полную дезориентацию.

Их отвели в лазарет, осмотрели. На что рассчитывали эти умники? Подобную симуляцию военврачи выучили наизусть, даже медсестры ставили правильный диагноз.

Особый отдел не замедлил вмешаться. В госпиталь прибыл суровый лейтенант в сопровождении двух солдат. Они тут же погнали симулянтов к ближайшему оврагу. Те поняли, что натворили, смертельно побледнели, стали каяться, оправдываться, кричали, что в следующую атаку побегут впереди всех, что их бес попутал, они не трусы!

Смотреть на это было неприятно. Солдаты отворачивались, многие лично знали этих ребят.

Особист был неумолим, зачитал приговор, тут же состряпанный им самим, поднял руку. Красноармейцы вскинули винтовки. Приговоренные умоляли до последнего, божились, что никогда больше себе такого не позволят. За мгновение до смерти один из них стал бешено креститься, забормотал молитву. Залп повалил обоих в овраг.

Подобные экзекуции проводились регулярно, но улучшить ситуацию не могли. На фронте воцарилось хрупкое затишье. В мешке регулярно что-то взрывалось, вспыхивали пожары. Видимо, там догорали последние деревушки. Вра-